

Внешняя округлость и внутренняя строгость, возможно, не так сложны, но сохранить при этом молодое сердце — вот настоящая трудность.

Поэтому Лу Е часто считал себя счастливым. Со времен третьего курса университета и до аспирантуры, а затем в процессе постепенной интеграции в общество, Хань Чжоу всегда был рядом, защищая и заботясь, обучая своим примером. Называть его «старшим братом» — это было отнюдь не шуткой.

Вспоминая, как Хань Чжоу поддерживал его все эти годы, — даже нынешнего научного руководителя тот ему порекомендовал, — Лу Е чувствовал тепло и лёгкую вину.

Стоя напротив человека, который пил горячую воду неспешно, словно чай, Лу Е закусил губу, постоял, собираясь с мыслями, а затем начал бродить по кабинету.

Он подошёл к загрунтованному под масло холсту, который Хань Чжоу подготовил ранее, засунул одну руку в карман и провёл подушечками пальцев по чистому краю полотна.

— На днях я заглянул на выставку одноклассницы Линьлинь. Если говорить красиво — это абстракция. Если грубо — то херня, которую можно выплеснуть за пять минут. И ведь продали две работы, за немалые деньги, — он вздохнул. — Может, и мне стоило заняться живописью?

Его слова не были лишены оснований. Тот однокурсник и правда был слаб в основах, и абстракция для него была вынужденным выбором. Но зато у парня были связи: диплом, пиар — всё по высшему разряду. За несколько лет, даже не став знаменитым, можно было обеспечить себе безбедную жизнь.

Лу Е был из деревни, родители занимались землёй, условия не ахти. Он очень дорожил репутацией, поэтому обычно не любил жаловаться на такие вещи, всегда был душой компании. Сегодняшние пессимистичные сетования молодого бунтаря показались Хань Чжоу подозрительными.

Вспомнив сцену с телефонным разговором в коридоре и ситуацию в семье Лу Е, Хань Чжоу решил, что тому, скорее всего, что-то от него нужно.

Он не стал раскрывать карты, снова отпил горячей воды и сказал:

— Если хочешь учиться живописи, можешь начать сейчас. В нашей студии есть преподаватели масляной живописи. Непонятные моменты — просто спроси у них. У вас, скульпторов, база крепкая, освоишь быстро.

— Да зачем мне это? — Лу Е усмехнулся, всё ещё глядя на холст вполборота. — У меня нет связей, я не умею заводить друзей, да и беден. Даже если научусь, где я найду спонсоров для выставки? А если картины не продадутся, то и на краски не заработаю. Лучше уж продолжать работать с научным руководителем, хоть затрат нет.

— Вообще, искусство и правда требует вложений. Но если хочешь устроить выставку, я могу связать тебя с друзьями, — Хань Чжоу поставил чашку на стол, упёрся подбородком в край и, вдыхая тёплый пар, ждал продолжения.

Лу Е облизнул губы. Сегодня он говорил урывками, несколько раз слова уже готовы были сорваться, но в итоге он выдал лишь:

— Ну, как у тебя с тем архитектором?

— С каким архитектором? — Хань Чжоу ответил быстро. — Мы просто друзья, что там может быть.

Да, просто друзья. Цзинь Шуань, такой серьёзный человек, мог среди ночи участвовать в его безумных выходках; такой элегантный и статный — мог бегать с ним по улицам в снегопад. Быть другом такого человека — это действительно здорово.

Хань Чжоу дул на пар, поднимающийся из чашки, даже не замечая, как уголки его губ заметно приподнялись.

К счастью, Лу Е в этот момент изучал его подрамник и не смотрел в ту сторону.

— Вот вам, таким, я завидую, — продолжил Лу Е. — И способности свои есть, и финансовая подушка от семьи. Можете влюбляться, делать что угодно, ни в чём себе не отказывая.

— А не то что я: понравилась девушка, а я боюсь пригласить её куда-то, боюсь потратиться, вдруг случайно спущу деньги на первый взнос. Она на сумку какой-нибудь брендовой посмотрит — у меня уже сердце колотится.

— Понимаю твои чувства, но свидание не обязательно должно быть в дорогом месте, — сказал Хань Чжоу.

— А где можно недорого? — спросил Лу Е.

— На блошином рынке, — не задумываясь, выпалил Хань Чжоу.

— Бля! — Лу Е швырнул ластик. — Ты больной!

Хань Чжоу бросил на него взгляд. Он действительно именно так и подумал. Будь у него отношения, он бы повёл пассию на тот блошиный рынок в южной части города. Там, кроме барахла, много и интересных вещиц. У Цзинь Шуаня в доме столько старинных предметов, он наверняка оценил бы такое место, где можно порыться в вещах... кхм-кхм...

Хань Чжоу вдруг поперхнулся. Чёрт, и правда больной, о чём это он только думает!

Лу Е не понял, в чём дело, и, ни о чём не подозревая, пересел на диван. Спустя некоторое время он произнёс:

— Вообще, ты прав. Будь у меня своя квартира, чистая и ухоженная, я бы мог привести туда девушку. Угостил бы её растворимым кофе с парой профитролей — и правда, не так уж дорого.

— Настоящий Гарпагон, — Хань Чжоу швырнул салфетку в мусорное ведро у ног. — Не зря одинок.

— Не говори так, — Лу Е наконец повернулся к нему, с ухмылкой, в которой сквозила неловкость. — Я смотрел одну квартиру на последнем этаже, и риелтор только что звонил — цена упала. Мне как раз не хватает сорока тысяч на первый взнос, приходится экономить.

— Хм! — Хань Чжоу усмехнулся, доставая телефон. Он понял, что парень и правда пришёл за деньгами.

Спустя несколько минут Лу Е, довольный, пересчитывая баланс на Alipay, удалился.

После его ухода в кабинете снова остался один Хань Чжоу. Он какое-то время смотрел на

подрамник, с которым тот возился, и вдруг его осенило.

Глубокая зимняя ночь, падает снег. Небосвод безбрежен, почти кругл, мир подобен огромному хрустальному шару, безмолвно заключившему в себя огни шумного города. Эта вселенная свободна, но имеет предел.

Это был первый раз, когда Хань Чжоу писал снег. Вся картина состояла только из снега. Он стоял под хрустальным шаром, глядя в небо, видел, как снежинки колышутся из стороны в сторону, опускаются так медленно, что почти застывают. И вот одна снежинка украдкой падает ему на глаз — он вздрагивает, и в тот же миг слышит рядом мужской смех. Снежинка в глазу тут же становится обжигающе горячей и скатывается по изгибу века.

Под кистью Хань Чжоу был снег, но в снегу на картине не было его самого.

Он никогда ещё не писал так легко. Картина вышла цельной, наполненной настроением. Уровень, топтавшийся на месте много лет, в этот обычный день совершил стремительный прыжок.

Он почувствовал, что его картины, возможно, уже готовы к продаже. И как раз в этот момент позвонил менеджер Хань Дуна, Сюй Гуанмао, спросив, сможет ли его брат написать снежный пейзаж, который хотел заказать коллекционер.

— Без проблем, — Хань Чжоу бросил кисть на палитру и сказал в трубку. — Брат как раз собирается писать снег. Всё остальное, как обычно, обсудите с дядей.

— М-м... — Сюй Гуанмао на том конце провода немного помедлил и завёл светскую беседу. — ...родители как, здоровы?

— Да, да, всё хорошо, — Хань Чжоу взял у коллеги принесённый обед, закрыл дверь и устроился на диване с телефоном. — Старики с коллегами в путешествие отправились.

— И хорошо, — голос Сюй Гуанмао стал чуть тише. — ...а Дунуша? Всё ещё не любит выходить?

— Ага, без изменений, — Хань Чжоу зубами вскрыл палочки для еды. — Что, дядя, когда время будет? Выпьем, а? Ты же вечно в разъездах, тебя и не поймать.

— О чём ты? У меня все три показателя зашкаливают, если выпью — тебе на мои похороны собираться придётся. — Сюй Гуанмао, которому уже за пятьдесят, всегда вёл себя с ним панибратски. Сначала Хань Чжоу было непривычно, но потом понял, что так даже лучше, роднее.

— Не болтай ерунды, — Хань Чжоу сухо усмехнулся, и в груди вдруг стало тепло. — Ладно, в ближайшие дни свободен? Я как-нибудь заеду, не пить, а крабов на пару приготовлю, как?

— Готовь, — охотно согласился Сюй Гуанмао и наконец сказал. — Тот... коллекционер, который хочет купить снежный пейзаж, сказал, что если возможно, хотел бы встретиться с Хань Дуном. Я не знаю, согласится ли Дунуша. Я тебе номер дам, сами свяжетесь.

— Хорошо, спасибо, дядя. — Хань Чжоу положил трубку, и в WeChat тут же пришло сообщение от Сюй Гуанмао с номером — стационарным.

На следующее утро, ещё не вставая с постели, Хань Чжоу набрал номер, который дал Сюй Гуанмао.

Накануне вечером, вернувшись домой, он застал брата в гостиной, смотрящим телевизор, и спросил о желании коллекционера встретиться.

Брат, как и ожидалось, ответил:

— Не буду.

Хань Чжоу и не питал особых надежд. Но не хочет — и не надо, художник не обязан встречаться с покупателем. Тем более что тот изначально связывался с менеджером.

Трубку поднял молодой мужчина. Хань Чжоу представился, и его попросили подождать.

Через некоторое время в трубке раздался приятный голос:

— Доброе утро, это Цзинь Шуань.

Хань Чжоу: «...»

<http://bllate.org/book/15564/1415516>